

Правильщик

Последнее дело профессора

Анастасия Шеховцова

Анастасия Шеховцова

**Правильщик. Последнее
дело профессора**

«Автор»

2026

Шеховцова А.

Правильщик. Последнее дело профессора / А. Шеховцова —
«Автор», 2026

После тяжёлой аварии велогонщик Даниил обретает мистический дар — способность перемещаться во времени, чтобы менять судьбы людей. Первым серьёзным испытанием его силы становится история 1988 года: рискуя собой, он предотвращает крупную кражу в гастрономе. Пытаясь разобраться в своей новой роли и справиться с грузом ответственности, Даниил перемещается во времени и в 2013 году спасает бывшего одноклассника Виктора, помогая ему выбраться из разрушительного жизненного тупика.

Содержание

***	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Правильщик. Последнее дело профессора

Все персонажи, места и события вымышлены. Любые совпадения с реальностью — случайны.

Глава 1

Март был обманчив: вроде бы только что тебя окружали талая вода и мокрый асфальт, но стоило ветру дунуть сильнее, как на лужах появлялась корочка льда. Типичный признак ранней весны. Даниил Васильев любил это время года — именно за его пограничность. Для профессионального велогонщика март означал начало сезона: скорый выход из тренажёрного зала на настоящие дороги.

Очередная тренировка выдалась ударной — сорок километров. Мышцы ног работали как идеально отрегулированный механизм, выдавая мощь, ради которой он несколько часов провёл на станке.

А потом его мир перевернулся. Вечером он ехал домой на своём автомобиле. Визг тормозов, резкий скрежет металла... Удар пришёлся сбоку: молодой парень на старенькой иномарке решил его обогнать, но сделал это слишком неумело — не рассчитал дистанцию. Спортсмен почувствовал глухой удар в левое бедро и голову. Всё случилось так быстро, что мозг даже не успел обработать картинку.

Вокруг столпились люди: кто-то пытался помочь — вытащил из помятой машины, вызывал скорую, другие просто глазели. В ушах стоял жуткий звон. Он лежал на спине, глядя в серое низкое небо. Мартовский дождь моросил ему в лицо.

Даниил попытался пошевелить левой ногой, но она его не слушалась. Сразу появилась сильная боль, она нарастала волнами — острая, пульсирующая. Каждая следующая волна становилась ещё острее. К звону в ушах присоединился вой сирены. Его переложили на носилки.

— Мужчина, вы меня слышите? — женский голос казался далёким, будто шёл со дна колодца.

Даниила погрузили в реанимобиль. В сознание снова ворвался звук сирены, замигали огни.

Он услышал мужской голос:

— Кровотечение сильное.

Из горла спортсмена вырвался крик. Он почувствовал укол.

— Терпи, мужик, — сказал тот же голос. Потом, обращаясь к кому-то ещё, добавил: — Давление падает.

Даниил отключился и снова пришёл в себя уже, когда его быстро везли на каталке по коридору больницы.

Люди в белых халатах переговаривались:

— Двойной открытый перелом голени со смещением, подозрение на черепно-мозговую, — чётко проговорил кто-то.

— Открытый... Потеря крови... Готовьте вену...

Слова долетали до сознания обрывками, лишёнными смысла: «двойной... смещение...». Это звучало как приговор для возрастного спортсмена — конец карьеры. Тьма накрыла его. Не стало ни боли, ни холода, ни страха — только тишина.

Наркоз отпускал тяжело. Первым вернулось обоняние: он почувствовал запах больницы — смесь хлора, спирта, бинтов и йода. Затем вернулся слух: в сознание ворвался пульсирующий звук какого-то аппарата рядом. Последним вернулось зрение. Он увидел белый потолок и попытался повернуть голову, чтобы осмотреться.

Левая нога была закована в гипс и подвешена на сложной системе. Даниил находился в реанимации — это легко было понять по количеству проводов, трубок и экранов.

Реальность вдруг начала изменяться. Стены палаты задрожали и поплыли. На стуле у его кровати проявилась фигура человека — он возник из ниоткуда. Мужчина чётко видел: рядом

с ним сидел старик, на вид лет семидесяти пяти, в простой белой ночной рубаше. Даниил мог поклясться, что секунду назад там никого не было.

Пожилой человек смотрел на него спокойным взглядом. В его глазах не было ни жалости, ни сочувствия — только усталость.

— Вот и всё, — сказал он тихо, хрипло. — Мой лимит исчерпан.

Даниил хотел спросить: «Кто вы?», но губы не слушались и не шевелились.

Он присмотрелся, и ему показалось, что очертания старика немного прозрачны.

— Теперь твоя очередь, — пожилой человек смотрел ему прямо в глаза, и от этого взгляда внутри у Даниила всё похолодело. — Я больше не могу никому помочь. Теперь это будешь делать ты. Заверши начатое мной.

Мужчину сковал страх.

— Тебе откроется путь... У каждого свой путь... — тихо прошептал старик и начал таять.

Резкий звук заставил велогонщика дёрнуться. Только сейчас он по-настоящему увидел, что происходит в палате. Дверь распахнулась, вбежали медсестра и врач-реаниматолог. Они бросились не к нему — их взгляды были устремлены на кровать справа. Там лежал человек.

Звонкий пугающий писк сменился монотонным непрерывным звуком. Несколько минут врачи пытались вернуть кого-то к жизни. Затем констатировали смерть, отсоединили трубки, отключили датчики.

Следом вошли санитары, переложили тело с кровати на каталку. Даниил успел разглядеть лицо того, кого увозили. Это было застывшее в странном умиротворении лицо старика из его видения. Пожилого человека накрыли с головой простынёй, и каталка поехала к двери.

Сонливость слетела мгновенно — его захлестнула волна страха. Сердце забилося так бешено, что запищал кардиодатчик. Он видел того самого старика — человека, который минуту назад умер. Это был тот самый старик, который говорил с ним и назначил его своим преемником.

Медсестра подбежала к Даниилу, среагировав на сигнал прибора.

— Вы очнулись? У вас тахикардия — возможно, реакция на стресс. Успокойтесь.

Она ловко ввела препарат в катетер. Паника отступила, оставив после себя пустоту.

Спортсмен остался в палате один. За окном продолжался серый мартовский день. Звук аппарата теперь пульсировал успокаивающе. Нога немного болела, но эта физическая боль была ничем по сравнению с бурей, поднявшейся в его сознании.

Старик не выходил из головы. Образ всплывал снова и снова: «Теперь ты будешь помогать. Заверши начатое мной».

Даниил закрыл глаза, пытаясь убедить себя, что это просто галлюцинация — побочный эффект наркоза. Мозг защищается, создаёт иллюзии. Но разум отказывался принимать такие объяснения.

Он смотрел в потолок и думал о том, что врачи сотворили чудо, собрав кости его ноги по осколкам. А первое, что он сделал, придя в сознание, — принял непонятную эстафету у умершего старика.

Глава 2

На улице уже давно растаял последний грязный снег. Газоны покрылись густой травой и одуванчиками, а солнце согревало по-летнему. Даниил видел всё это лишь урывками — когда выходил из дома, чтобы добраться до кабинета лечебной физкультуры в поликлинике. Время тянулось медленно.

Наконец июнь уступил место июлю. А мир спортсмена сузился до размеров спортивного зала. Здесь были только его воля и первые попытки вернуться на велотренажёр.

Его тревожило лишь одно: появился страх перед дорогой. Он мог часами мысленно крутить педали, чувствовать напряжение мышц, но стоило ему оказаться на дороге в такси, как накатывала паническая атака. Дорога казалась ему хищником, который уже однажды его поглотил и теперь ждал второго шанса.

Поэтому Даниил шёл другим путём. Каждое утро начиналось с разминки в зале. Сначала движения выходили неуверенными, но мышечная память оказалась сильнее. Тот надломленный парень, которого выписали из больницы, остался где-то далеко.

Вместе с физической силой появилась и новая цель. Она уже не походила на юношескую мечту о медалях и кубках. Даниил смотрел на жизнь реалистично: вернуться в профессию как велогонщик было невозможно, но можно было остаться в спорте — стать тренером в тренажерном зале. И он начал изучать этот вопрос. В спортивной сумке рядом с кроссовками и полотенцем теперь всегда лежали книги. Он не терял времени и часто читал не только дома, но и в метро. На тренеров в зале он смотрел уже другими глазами — не как ученик, а как будущий коллега: подмечал их ошибки, анализировал приёмы.

Лишь иногда по вечерам он падал духом. Когда усталость брала своё, в голове всплывало то, о чём старался не думать: три месяца назад от него ушла любимая девушка. Оказалось, ей был нужен спортсмен с его возможностями и перспективами. А выходить замуж за простого парня Даниила Васильева, который теперь лишь мечтает стать тренером, в её планы не входило.

К концу июля зал перестал быть для него убежищем. Он стал чаще бывать на улице, вечерами гулять по парку. Постепенно восстанавливалось не только физическое, но и эмоциональное состояние.

Теперь он приходил в зал и садился на велотренажёр не ради рекордов скорости, а просто чтобы крутить педали и давать нагрузку ногам. Шаг за шагом он приближался к тому дню, когда сможет начать тренировать других. Он боялся этого дня, но в то же время очень его ждал.

Душным июльским вечером Даниил вдруг выкрутил регулятор нагрузки на максимум. Ему надоели монотонные тренировки — появилось непреодолимое желание ощутить скорость.

«Давай! Выжимай! Настала пора серьёзных нагрузок!» — говорил он сам себе.

Шуршащий маховик накручивал метры. Скорость росла. Он давил на педали со всей силы. Ещё немного — и он почувствовал максимум того, на что был способен.

В тот же миг вокруг всё поменялось.

Наступил полумрак. Откуда-то глухо доносились звуки «I Can Lose My Heart Tonight». Он ощутил запах пота вперемишку с сыростью и пылью.

Даниил осмотрелся. Он стоял на бетонном полу. Никакого тренажёрного зала, никакого велотренажёра рядом. Он находился в коридоре — узком, длинном, освещённом единственной тусклой лампочкой Ильича. В дальнем конце что-то упало — звонко и тяжело.

— Что за хрень... — прошептал Даниил, инстинктивно отступая к стене.

— Эй?! — крикнуть не получилось, вышел лишь тихий хрип.

Паника накрыла его. «Что со мной? Где я? А может, это опять галлюцинация?»

Он резко дёрнул себя за прядь волос на макушке. Боль заставила зажмуриться. Между пальцев остались тёмные волоски. Тогда он для верности со всей силы ущипнул себя за руку. И вновь почувствовал боль. Всё это было по-настоящему.

Даниил медленно выдохнул, пытаясь унять бешено колотившееся сердце, и начал осматриваться. Он с удивлением обнаружил на себе поношенную одежду и стоптанные кожаные ботинки. Стены были обшарпанными, выкрашенными синей краской, местами она пошла пузырями. Рядом с деревянной дверью висел большой настенный календарь — 1988 год.

На противоположной стене были развешаны плакаты: справа — Сильвестр Сталлоне в роли Рокки, рядом — Брюс Ли в знаменитой стойке, готовый нанести удар ногой, чуть левее — постер Рэмбо с пулемётом наперевес. Он прошёл вглубь коридора. Звуки музыки стали ещё громче.

— Ты кто такой? — голос прозвучал сзади так неожиданно, что Даниил подпрыгнул и обернулся.

В трёх шагах от него, рядом с уже открытой деревянной дверью, стоял человек-шкаф: широченные плечи, короткая стрижка «ёжик» и злобный взгляд. Белая майка-алкоголичка туго обтягивала перекачанные мышцы груди. За спиной качка сквозь металлическую дверь в конце коридора просачивался яркий свет.

— Заблудился, дохлик? — амбал сделал шаг вперёд и перекрыл выход. Его лицо ничего не выражало, кроме раздражения. — Сюда посторонним нельзя. Это частная секция.

— Я... я случайно, — выдавил Даниил, чувствуя, как от страха пересохло во рту.

— Сначала объяснишь тренеру, как ты сюда просочился, — громила расставил руки. Проход коридора сузился вдвое. Даниил понял, что надо бежать.

— Прости, мужик, я, наверное, ошибся дверью! — выпалил он и нырком проскочил у качка между ног.

Позади раздался удивлённый рык:

— Ах ты ж...

Но Даниил уже выскочил наружу, толкнув плечом тяжёлую металлическую дверь. На улице его на секунду ослепили лучи вечернего солнца.

Только солнце показалось ему каким-то другим — оно уже совсем близко опустилось к горизонту.

Даниил замер посреди тротуара. Люди вокруг шли неспешно. Он проводил взглядом пару: мужчина был в кепке-аэродроме и нейлоновой рубашке, а женщина — в старомодном цветастом платье.

— Послезавтра уже седьмое августа, — тихо сказала женщина, чуть ускорив шаг.

Мужчина поправил кепку и хмыкнул:

— Время летит... будто вчера ещё июль был.

Она чуть улыбнулась:

— Ещё два дня. Успеешь.

Даниил смотрел им вслед, пока они не свернули за угол. Автомобилей было мало, в основном «Жигули»; редкий гул мотора лишь подчёркивал тишину.

Он вышел из двора на дорогу и перешел на другую сторону. Его взгляд впился в витрину гастронома. За стеклом стояли трёхлитровые банки с томатным соком, а рядом возвышалась пирамида из консервов «Килька в томате».

— Не может быть... — буркнул он себе под нос и бесцельно побрёл дальше по улице, пытаясь осознать происходящее.

Прошло ещё несколько минут, и жёлтый диск скрылся за горизонтом.

В ту же секунду вокруг него вспыхнул другой яркий свет. Из динамиков слышался David Guetta.

— Даня, хорош убиваться! — чья-то рука хлопнула его по плечу. — Педали отвялятся.

Даниил сидел на велотренажёре. Руки сжимали руль. Напротив, по дорожке, бежала всё та же девушка. Парень справа всё так же монотонно качал бицепс.

Глава 3

Даниил сидел на кухне. Перед ним на столе лежала аптечка. Он достал два лекарственных препарата, нейропротекторы и витамины группы В. Вытащил инструкцию из коробки, развернул лист бумаги и нашёл глазами раздел «Побочные эффекты». Головокружение. Тошнота. Редко — спутанность сознания.

«Спутанность — это когда забыл, куда шёл. Это не то».

Вторая инструкция. Сухость во рту. Тошнота. Галлюцинаций нет.

Третья. Четвёртая.

Даниил методично перебрал все препараты, которые всё ещё был вынужден пить. Ни одна из этих белых, жёлтых и розовых капсул не обещала показать ему 1988 год. Он тут же вспомнил старика-мертвеца из реанимации.

— Исключаем химию, — тихо сказал он пустой кухне и бросил инструкции на стол.

Как бывший профессиональный спортсмен, привыкший к травмам, Даниил мыслил категориями физиологии. Если болит колено — смотри мениск. Если барахлит мотор — меряй давление. Его мозг сейчас был тем самым мотором. Авария была жёсткой. Сотрясение. Врачи тогда смотрели на снимки МРТ и выписали вот эти самые таблетки. А вчерашний эпизод просто выбил его из колеи. Эмоциональная нагрузка явно сыграла свою роль, был уверен он.

— Значит, травма, — произнёс Даниил вслух. — Микрососуд где-то там лопнул — чего томограф не видит. Или какой-то участок мозга раздражён. И выдаёт образы, потому что нарушена проводимость. Это лечится. Должно лечиться.

Это было логично. Это успокаивало. Признать, что у тебя механическая поломка в голове, неприятно, но не страшно. Страшно — если это психиатрия. Страх перед потерей контроля над собственным разумом пугал бывшего спортсмена больше, чем любая физическая боль.

Но сидеть и ждать следующего сбоя нельзя. Нужен специалист, решил он.

Рука сама потянулась к смартфону, лежащему рядом. Поиск занял меньше минуты.

Да. Это единственный способ вернуть контроль: пройти обследование, сдать анализы.

Даниил смотрел на кнопку «Подтвердить запись». Указательный палец замер.

А вдруг врач решит, что дело не в травме? Вдруг копнёт глубже? Что, если вчерашнее видение — это не последствие удара, а нечто другое, то, что он годами не видел внутри?

Страх оказался сильнее логики. «Завтра слишком рано», — убедил он себя. Может быть, это больше вообще не повторится. Он отложил телефон и откинулся на спинку стула.

Ночью Даниилу приснился старик из реанимации. Только во сне он был совсем другой — бодрый, румяный, с ясными глазами и широкой улыбкой. Он просто стоял в нескольких метрах и махал рукой. Никаких слов, никакого диалога.

Даниил проснулся резко, словно от толчка. Сердце колотилось, спина была в поту.

— Этот старик как будто зовёт меня к себе, — хрипло выдохнул он в темноту комнаты.

«Что делают в таких случаях? В церковь идут? Свечи ставят? За здоровье или за упокой?» — растерянно думал он, сжимая одеяло дрожащими пальцами.

Утром он спешно собрался и ушёл из дома. Находиться одному ему было невыносимо. Помимо этого, он был эмоционально вымотан и решил пропустить тренировку. Надо было привести голову в порядок. Он зашёл в кофейню.

— Двойной эспresso, — попросил Даниил у бариста. Взял стаканчик, устроился за столиком у окна и мысленно продолжил свой утренний побег от реальности.

Мысли путались: «Почему старик приснился мне именно на следующий день после того видения в тренажёрке? Это не может быть совпадением. Я ведь не вспоминал о нём тогда. Прямо перед тем, как всё началось. Или совпадение?»

Внутри нарастала тревога. Он сделал большой глоток кофе и тихо выдохнул:

«Спокойно. Главное — не сойти с ума. Держать себя в руках. Эспрессо, окно, люди на улице — всё реально».

Он никогда не был суеверным, всегда полагался на логику и факты. Но теперь в голове словно шевельнулась совсем уж чуждая, пугающая идея:

«А что, если... вдруг старик действительно был чем-то большим, чем просто видение? Что, если там, в реанимации, он передал мне какой-то дар? Какую-то способность видеть то, что не видят другие?»

Вот уже это точно было похоже на сумасшествие. Дар? Старик из сна? Он с силой поставил пустой стаканчик на стол и решил перестать копаться в этом бреде, иначе он правда сойдёт с ума.

Даниил вышел из кофейни и свернул в парк. В будний день здесь было на удивление тихо: лишь редкие собачники да мамы с колясками нарушали эту идиллию.

Он неспешно брёл по знакомой дорожке, когда его взгляд зацепился за странную фигуру на детской площадке. На качелях сидел человек, упираясь ногами в песок. Его взгляд был устремлён прямо на Даниила.

Фигура подала голос — хриплый, пропитый, режущий слух:

— Эй, братка, чё не здороваешься? Совсем друзей не узнаёшь!

Даниил замер. Незнакомец соскочил с качелей, в один прыжок оказался рядом и протянул ему грязную ладонь.

— Я Витя Самойленко! Дай пятихатку взаймы на пару дней.

Ничего не щёлкнуло в памяти Даниила. Этот сломанный нос, который выглядел просто бесформенной лепёшкой, этот шрам над бровью... Голос тоже казался незнакомым.

Пьяница криво усмехнулся, обнажив жёлтые редкие зубы.

— Ну, так дашь взаймы?

Движения были резкими, ломаными.

— По номеру телефона на карту закинь, а? Да верну я тебе, клянусь.

Даниил смотрел на него и вспоминал не этого опустившегося мужика в нестиранной куртке, а того самого Витьку из седьмого «Б». Отличника, который знал столицы всех стран мира и решал контрольные на раз-два. Доброго парня, которого в его классе почему-то выбрали мишенью. Двое — братья Карташовы. Они играли его новеньким портфелем в футбол на перемене, прятали сменку в женском туалете, а после уроков зажимали и колотили в углу раздевалки. Били жёстко, у всего класса на глазах. Даниил помнил это чувство. Он много раз хотел вмешаться, подойти и встать рядом, но какое-то трусливое детское малодушие мешало ему. Он каждый раз шептал: «Не лезь, а то наваляют и тебе». Это воспоминание жгло его.

— Чё не узнал, Данька? — рыкнул бывший одноклассник, видимо, приняв жалость за высокомерие. — Зазнался, что ли?

— Виктор Самойленко, здравствуй, — ровным голосом ответил Даниил, стараясь смотреть ему прямо в глаза.

Виктор нетерпеливо пошаркал ногой.

— Так что, скинешь? Номер продиктовать?

Даниилу вдруг отчаянно захотелось поскорее уйти отсюда. Он достал телефон.

— Диктуй.

Бывший одноклассник, запинаясь, называл цифры. Пятьсот рублей ушли со счёта.

— Бывай, братан! С меня причитается! — крикнул Виктор и побежал в сторону магазина.

— Что же с тобой стало, парень... — прошептал Даниил, глядя вслед удаляющемуся забулдыге.

Даниил шёл по парковой аллее. Он набрал номер матери.

— Мам, привет, как ты? — это прозвучало слишком бодро.

— Здравствуй, сыночка! — её голос всегда действовал успокаивающе. — Мы с дядей Женей баню красим. У тебя что-то срочное?

— Мам... А ты знаешь, что случилось с Витей Самойленко? Помнишь, парень такой в моём классе учился?

На том конце провода повисла пауза.

— Даня, сынок... — наконец вздохнула она. — Он ведь спился совсем. После того случая в конце одиннадцатого класса... Его избили сильно. За гаражами нашли. Месяца два в больнице лежал: сотрясение тяжёлое было, челюсть собирали. В итоге в тот год никуда не поступил.

— Я тогда уже в спортшколе учился, — перебил Даниил. — А дальше? Нашли тех, кто его?

— Нет, сынок, не нашли. Камер там не было. Да и он сам сказал потом участковому, что никого не запомнил. Испугался, наверное.

Даниил сжал свободную руку в кулак. Он подумал на Карташовых. Вспомнил их взгляды.

— Как же так... Никого не нашли?! — возмутился он скорее самому себе, чем матери.

— Данечка, жизнь — такая штука сложная. Если у тебя ничего сверхсрочного, я попозже тебе наберу? Краска сохнет, дядя Женя ругается.

— Да, мам, конечно. Извини. Позже созвонимся.

Он сбросил вызов. Дошёл до дома и долго сидел в тишине квартиры. Пятисот рублей было не жалко. Было невыносимо стыдно за себя, того, который боялся получить учебником по спине больше, чем защитить беззащитного человека. Он не мог понять, куда в этом мире делась справедливость, которая была так необходима в тёмном переулке за школьными гаражами двенадцать лет тому назад.

Глава 4

Два дня после странного сна прошли как в тумане. Даниил просто слонялся по району, пытаясь проветрить голову. Спал он очень беспокойно.

На третий день утром у него внутри что-то щёлкнуло. Надоело себя накручивать. Он отложил телефон, где бездумно скроллил новостную ленту, и понял, что пора возвращаться в зал. К своим целям. Сначала — вернуть форму, потом закрыть вопрос с работой.

Днём солнце нещадно сжигало всё вокруг. Даниил дошёл до зала и ввалился внутрь. Кондиционеры работали на полную мощность, и прохладный воздух снял тепловой стресс.

Тренировка началась бодро. Пятнадцать минут быстрой ходьбы на дорожке, чтобы раскачать сердце. Потом турник — несколько подходов. И наконец — велотренажёр. Он сел и неспешно начал крутить педали.

Неожиданно для себя его захватило любопытство — то самое, что заставляет людей делать глупости и покупать лотерейный билет на последние деньги. Это было не желание чего-то достичь, а почти научный интерес — проверить гипотезу.

Рука автоматически потянулась к регулятору сопротивления велотренажёра и щелчком выставила нагрузку на максимум. Даниил хмыкнул. Он начал крутить педали всё быстрее и быстрее, вкладывая в это монотонное движение всю свою досаду и злость на себя, на этот странный приступ слабости пару дней назад. Он пытался доказать себе, что ничего не произойдёт. Что он просто устанет, сойдёт весь в поту, сердце будет колотиться как бешеное, но мир останется прежним. Обычным.

— Давай, развалина, покажи мне свой предел, — процедил он сквозь сжатые зубы, обращаясь то ли к тренажёру, то ли к самому себе.

И ровно в тот самый момент, когда дыхание участилось, когда он почувствовал, что выжал из мышц ног абсолютный максимум, мир вокруг преобразился.

Это не было похоже на обморок. Не было темноты, головокружения или ощущения падения. Просто звук маховика тренажёра исчез.

Его осветило солнце. Яркое, дневное, летнее солнце. Но оно было не таким жгучим. Свет был мягче, всё казалось слегка золотистым, как на старом фото. Даниил судорожно вцепился в руль, которого больше не было. Под ладонями оказалась пустота. Он стоял на ногах, слегка покачиваясь от внезапной остановки. Велотренажёр испарился.

Он огляделся. Это был задний двор какого-то магазина — классический «пейзаж», который невозможно спутать ни с чем другим. Стены из светло-серого силикатного кирпича. Пожарная лестница, ведущая на плоскую крышу. Рядом притулились металлические контейнеры на колёсах — для обычного мусора. Недалеко от открытой металлической входной двери громоздились деревянные ящики с морковью и капустой. Чуть поодаль в глубине двора стоял огромный гофрированный контейнер, доверху заполненный картонными коробками всех мастей и размеров. На нём было выведено белой краской: «МАКУЛАТУРА».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.